

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы**

Curzio Malaparte

**THE VOLGA RISES
IN EUROPE**

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Курцио Малапарти

РЕПОРТАЖИ
С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

ЗАПИСКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА О СОБЫТИЯХ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

1941–1943

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62
М18

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Малапарти Курцио
М18 Репортажи с переднего края. Записки итальян-
ского военного корреспондента о событиях на Вос-
точном фронте. 1941—1943 / Пер. с англ. А.Л. Андре-
ева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. — 255 с. — (За
линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-521-78989-4

Летом 1941 года итальянский писатель и журналист Курцио Малапарти в качестве военного корреспондента освещал события, происходящие на Вос-
точном фронте. Он рассказывал о том, как проводилась подготовка солдат
к боям, описывал самые жестокие сражения, представлял бытовую сторону
жизни солдата и страдания мирного жителя, в дом которого ворвалась война.
Свидетельства автора были настолько честны и непредвзяты, что его обвиняли
в симпатиях к коммунистической России. А Малапарти, по его собственному
признанию, своими репортажами стремился лишь представить объективную
панораму фронтовой жизни, показывая весь ужас и абсурдность войны, что,
впрочем, не мешало ему давать личную оценку событиям, происходящим на
его глазах.

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62

- © Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2016
- © Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-521-78989-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда с началом войны Германии против Советского Союза в июне 1941 года в «Коррере делла Сера» начали появляться мои репортажи с фронта на Украине, итальянская публика преисполнилась крайним изумлением и даже, можно сказать, потрясением и негодованием.

Меня подробно цитировали в прессе Британии, Америки, Швейцарии и стран Скандинавии. Мои репортажи воспринимались международным сообществом как единственные объективные документальные свидетельства, которые приходили из Советской России после начала войны. Тем не менее великому множеству людей в Италии казалось, что мои наблюдения и размышления были результатом не честного и смелого желания рассказать правду, а лишь личными симпатиями к коммунистической России, и, как следствие, мое видение событий представлялось им пристрастным и спорным.

Поскольку мои статьи совершенно отличались от той линии, которой придерживалась итальянская пресса, а именно утверждения, будто война против России станет недолгой и «легкой», а также в связи с тем, что они противоречили даже мнению остальных специальных корреспондентов моей собственной газеты, многие мои читатели пришли к заключению, что я оказался полностью пристрастным. Немало было и таких, кто объявил меня «пораженцем» и громко требовал немедленно отозвать меня с русского фронта и подвергнуть аресту. Позже все они были склонны благодарить меня за то, что я смог правильно оценить события, а мои

«симпатии» к коммунистической России, в которых меня упрекали, рассматривать лишь как стремление объективно их освещать. Это вынужден был признать даже сам Тольятти в личной беседе со мной во время празднования Пасхи в 1944 году, когда он прибыл ко мне домой и поздравил меня именно с теми репортажами.

Но в те первые дни объективность считалась преступлением. В сентябре 1941 года по указанию Геббельса немецкие военные власти выслали меня из района боевых действий на советском фронте, не обращая внимания на протесты командующего итальянскими экспедиционными войсками в России генерала Джованни Мессе (1883—1968). Несмотря на то что фашистские цензоры, как военные, так и политические, пусть и неохотно, разрешали публиковать мои репортажи, Муссолини сначала пригрозил отправить меня обратно в Липари, а затем на четыре месяца подверг домашнему аресту. Но в январе 1942 года, когда ход событий на фронте подтвердил обоснованность моих суждений и точность прогнозов, он приказал отправить меня обратно на русский фронт. Однако на этот раз, опасаясь репрессий со стороны немцев, я сам попросил послать меня в Финляндию, где Гитлер не имел власти. Мою просьбу уважили, и два года, вплоть до ареста Муссолини, я оставался в Финляндии. Затем, 27 июля 1943 года, я вернулся в Италию, чтобы занять свое место в рядах борцов против немцев, в борьбе, которая, как я считал, начнется скоро и неизбежно.

Часть первая

ПО СЛЕДАМ НАПОЛЕОНА

Глава 1

ВОРОНЫ ГАЛАЦА

Галац, 18 июня 1941 года

Расположенный между реками Прут и Дунай, посреди нескольких мелких водоемов, Галац пропах рыбой и гниющими камышами. (Добавьте сюда ощущаемый июньскими вечерами слабый запах наносов ила, который пристаёт к листьям деревьев, женским волосам, лошадиным гривам, длинным нарядам скопцов, кучеров-евнухов из знаменитой русской секты, для которой Галац стал последним убежищем и храмом.) От Брэилы до Галаца, от Сулины до низких гор Добруджи¹ располагается обширное пространство сияющей воды. Весенние половодья превратили эту территорию в огромное болото. Здесь, подобно гигантской занавеси, развевающейся под дуновениями ветра, плывет по холмам Валашская равнина. Через неровные интервалы из бесконечных болот робкими островами восходят участки желтой земли. Затем болота постепенно переходят в подобие мелководного бассейна, на территории которого лежат спокойные воды озера Братеш², вечно укрытые прозрачной бледно-голубой дымкой.

Галац расположен на краю этого бассейна, на вершине треугольника, образованного реками Дунай и Прут, которые сливаются в нескольких километрах ниже по течению от го-

¹ Низкие горы Мэун, высоты до 467 м. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² У северо-восточных окраин Галаца.

рода. Далеко у горизонта создают фон к этому изменчивому пейзажу с его низкими домиками, болотами и дымкой горы Добруджи. Они отражают те же зыбкие тени синего и зеленого цвета, создают ту же обстановку романтики и утонченной невинности. Зачастую они исчезают за горизонтом, оставляя за собой в мерцающем свете чувство неясной печали, ощущение, которое присуще по большей части женщинам.

Между моей гостиницей и Советской Россией находится лишь река Прут с ее неторопливыми желтыми водами. Здесь, неподалеку от устья, она расширяется и образует обширную мутную котловину озера Братеш, гладкая поверхность которого здесь и там изрезана зарослями камыша, растущего часто и плотно на илистом берегу. В эти дни берег Прута кажется необычно пустынным. По поверхности реки не прокладывает себе путь ни буксир, ни грузовое судно, ни даже ревуший моторный катер. Можно увидеть лишь, как одинокие лодки румынских рыбаков снуют туда и обратно посреди медленных, покрытых тиной вод у самой кромки берега. Но горе тому, кто осмелится оказаться поближе к середине реки: русские сразу же откроют по нему огонь. С наступлением темноты дозоры русских начинают стрелять в ответ на каждое шевеление листьев, на каждую хрустнувшую ветку. Даже слабых всплесков воды, которые она время от времени издает, ударяясь о берег, достаточно для того, чтобы привести их в состояние тревоги.

Из окна моей комнаты можно невооруженным взглядом разглядеть дома на русском берегу, склады пиломатериалов, дым нескольких буксиров, стоящих на якоре в заливе реки. На дороге, что проходит вдоль реки, можно различить в бинокль группы людей, скорее всего солдат, колонны техники, кавалерийские разъезды. По ночам советский берег кажется полностью погруженным во мрак. Создается впечатление, что оттуда, с того берега, приходит ночь, там она растет и крепнет, подобно черной стене, стоящей напротив румынского берега с его мерцающими огоньками. На рассвете советский берег постепенно открывает свои закрытые на ночь глаза и смотрит на реку с тусклым, необычно печальным и беспокойным выражением.

Ватаги ребятишек гоняют друг друга вдоль широких аллей общественных садов. Группы людей наклоняются над парапетом Бельведера, который резко возвышается над голубой красноватой гладью обширных болот, изрезанных железнодорожными насыпями. Прикрывая глаза руками, они наблюдают за русским берегом.

Там, на дальней стороне берега реки Прут, из домов городка Рени клубится вверх голубоватый дым, который лениво растворяется в пыльном воздухе. (Еще два дня, а может, один день, а может, всего несколько часов.) Я поймал себя на том, что смотрю на часы городской башни, подъезжая на машине к мосту, соединяющему Галац с советским городком Рени.

Сильный запах, резкий и жирный, поднимается в мою сторону от озера Братеш. Это зловоние исходит от трупов животных, погребенных под слоем ила. Огромные синие и зеленые мухи с золотистыми крылышками с гулким жужжанием постоянно снуют здесь и там. Группа румынских саперов закладывает заряд взрывчатки, готовя мост к взрыву. Солдаты, смеясь, о чем-то переговариваются между собой. Мутные воды озера Братеш отражают желтоватый свет, который, постепенно угасая, освещает местность, апатичную, меняющуюся, подверженную тлену. Неминуемая война воспринимается будто буря, которая готова вот-вот разразиться, независимо от воли людей, почти как явление природы. (Здесь Европа больше не внемлет голосу рассудка, не знает законов морали. Она стала будто бы ненастоящей, превратилась в континент гниющей плоти.) На дальней стороне моста, у границы с СССР, высится советская триумфальная арка, грубое сооружение, увенчанное ритуальным орнаментом в виде серпа и молота. Мне нужно всего лишь перейти через мост, пройти несколько сот метров, чтобы покинуть эту и перейти границу с другой Европой. Одну Европу от другой отделяет всего один шаг, пусть и слишком длинный шаг, шаг к смерти.

На самом деле весь этот пейзаж создает впечатление ненадежности и недолговечности. Случившееся в ноябре землетрясение привело к тому, что многое в городе преврати-

лось в груды развалин и мусора, и теперь вид этого места наводит на мысли о недолговечности мира и хрупкости цивилизации. Множество домов было разрушено, почти повсюду видны глубокие шрамы от происшедшего. Часть домов осталась без крыш, у других не хватает стен. Некоторые здания потеряли балконы, а прочие — фасад целиком. Встречаются дома, изуродованные широкими трещинами, сквозь которые просвечивает буржуазный интерьер — полы, покрытые турецкими коврами, венские кровати, безвкусные олеографии, украшающие стены каждого дома на востоке. На одной из улиц у Брашиовени обрушились фасады всех зданий; здесь можно видеть, как люди ходят за тканевыми занавесками или перегородками из бумаги, будто на подмостках сцены перед шумной равнодушной публикой. Все это похоже на сцену из картин Пискатора¹. Балки, которые поддерживают фасады или стены зданий, образуют что-то вроде скошенной арки, которая проходит от одного до другого края мостовой, и под этой аркой громко шумят люди всевозможных наций и языков. Они толкаются, догоняют друг друга, быстро собираются в группы, которые так же быстро распадаются, в одну бурлящую массу. Во многих местах, например на улице Полковника Бойле, на дорожках, что ведут к озеру, до сих пор можно наблюдать нагромождение камней от разрушенных домов. И посреди этих развалин, под аркой из балок, сильно потрескавшихся, шатающихся стен, перед сценой из тех домов с прорезами в клубах желтоватой пыли собрались толпы греков, армян, цыган, турок и евреев. Здесь все погрузилось в суматоху галдящих голосов, воплей, взрывов смеха, визга, песен, ревуших из граммофонов. И над всем этим витает запах конской мочи и аромат роз, запах Леванта, аромат Черного моря.

По обеим сторонам мостовой улиц расположились сотни и сотни кафе, галантерейных и парфюмерных лавок, парикмахерских, стекольных мастерских, кондитерских и кабинетов дантистов. Парикмахеры-греки с лицами оливкового цвета, с огромными черными усами сверкают брил-

¹ П и с к а т о р Николай Иоаннис (Клас Янс Висхер; 1586—1652) — голландский издатель и гравёр.